DOI: 10.17976/jpps/2022.01.02

РОССИЯ И США НА МИРОВОЙ СЦЕНЕ. ЧАСТЬ I. ДАЛЕКИЕ ДРУЗЬЯ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В СОПЕРНИКОВ

Т. Грэм

ГРЭМ Томас, заслуженный деятель Совета по международным отношениям, Нью-Йорк (США), email: tgraham@cfr.org

Грэм Т. 2022. Россия и США на мировой сцене. Часть I. Далекие друзья превращаются в соперников. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 7-18. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.02

Статья представляет собой главу из книги "Россия и США на мировой сцене", которая находится в стадии написания. Редакция планирует напечатать и другие главы по мере их появления. Текст написан с большой симпатией к России, быть может, максимально возможной для современного американского политического мыслителя. Внимательный российский читатель, знакомый с исторической фактурой, безусловно, отметит определенную авторскую субъективность в отборе фактов и в предпочтении интерпретаций, обнаружит в критических точках изложения явные "фигуры умолчания". Но эта субъективность авторского взгляда и представляется Редакции наиболее ценной, поскольку эта "оптика Другого", сориентированная на российско-американские отношения, дает шанс и российскому читателю критически пересмотреть некоторые собственные предрассудки относительно воззрений и мотиваций американских коллег, что так остро необходимо сегодня для восстановления полноценного диалога. Хотя бы для того, чтобы приостановить дальнейшее сползание в пропасть.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021. Принята к публикации: 11.11.2021

Аннотация. Время, прошедшее с момента Войны за независимость США (1775-1783 гг.) до продажи Аляски (1867 г.), – самый длительный период дружественных отношений в истории взаимодействия США и России. Однако вряд ли эти отношения можно охарактеризовать как связи или партнерство в его нынешнем смысле. Каждой из сторон практически не было дела до другой. Пропасть в ценностях была глубокой и непреодолимой, несмотря на то что обеим державам удавалось оградить отношения от идеологических споров. Учитывая, что страны в значительной степени действовали в разных полушариях, между ними не возникало геополитического напряжения. Там, где они действительно взаимодействовали, трения не перерастали в серьезный конфликт, поскольку Россия предпочитала скорее идти навстречу американскому экспансионизму, нежели сталкиваться с эскалацией риска в регионах, не воспринимавшихся ею как жизненно важные. Взаимные выгоды сторон были минимальными и никогда не вели к тесному сотрудничеству; они скорее были следствием отказа каждой страны встать на чью-либо сторону в конфликтах с третьими державами, включая Войну за независимость, Крымскую войну и Гражданскую войну в США. Если отношения и были дружественными, то лишь ввиду отсутствия веских причин для соперничества. Ситуация резко изменилась в последние десятилетия XIX в. – Соединенные Штаты совершили беспрецедентный рывок вперед, который быстро принес рост благосостояния и могущества, тогда как Россия вступила в затяжной период имперского кризиса. Вследствие растущих идеологических и геополитических амбиций США далекие друзья в конечном счете начали превращаться в соперников.

Ключевые слова: Екатерина Великая, Война за независимость США, доктрина Монро, Крымская война, Гражданская война в США, Аляска, Дальний Восток, баланс сил, геополитика, идеология.

Предполагалось, что создавшаяся ситуация должна привести к чему-то большему, чем просто мир для нашего времени[1]. Предполагалось, что это будет мир навсегда. Американский социолог Фрэнсис Фукуяма триумфально возвестил о конце истории. Титаническая идеологическая борьба в XX в. между фашизмом, коммунизмом и либеральной демократией закончилась полной победой Запада и крахом советского коммунизма в 1989 г., 44 года спустя после поражения нацистской Германии. Для выживания и процветания в предстоявшие десятилетия государствам, возникшим по итогам этого, краха не оставалось ничего иного, как следовать принципам либеральной демократии, основанной на свободе личности и рыночной экономике, – по крайней мере, на это по большей части надеялись на Западе.

Сам Фукуяма считал это не завершением конфликта, а просто концом идеологической борьбы. И ни один американский политик не ожидал наступления эры всеобщего мира. Тем не менее в Соединенных Штатах укоренилось ощущение, что история подтвердила верховенство их системы, и теперь им предстояло вести мир в XXI в., распространяя демократию в американском стиле и свободные рынки по всему миру. России отводилась роль приза. Если бы США удалось интегрировать ее в евроатлантическое сообщество рыночных демократий, это стало бы лишь печатью, скрепившей приговор истории. Как следствие, американские лидеры и их бывший заклятый враг приступили к строительству стратегического партнерства, основанного на либерально-демократических ценностях. Опасения, что Россия все еще могла вернуться к своему нелиберальному, империалистическому прошлому, сохранялись.

Россия столкнулась с вызовом иного характера. Крах советской империи и конец холодной войны стали сокрушительным поражением для страны, прежде гордившейся статусом сверхдержавы. Многие россияне утешали себя тем, что они сами сыграли ведущую роль в свержении марксизма-ленинизма не только в России, но и во всем мире (Китай, хоть и оставался номинально коммунистическим, на практике тоже отказался от этой идеологии). Однако, вне зависимости от политических убеждений, все стремились к возрождению России. Эта мечта не была праздной. В конце концов, на протяжении своей истории Россия, падая, вновь и вновь возвращалась на Олимп славы – одна лишь победа над Гитлером красноречиво говорит о неуязвимости этой страны. В отличие от американцев история не предусмотрела для русских дуги прогресса (*arc of progress*), скорее это был трагико-триумфальный цикл "крах – восстановление".

Первые шаги на пути восстановления страны российское руководство стремилось предпринимать в партнерстве с США. Несмотря на остро ощущавшуюся асимметрию власти и богатства, они считали, что Соединенные Штаты должны были быть готовы относиться к России как к равному в благодарность за ее роль в прекращении холодной войны и в знак признания ее державного прошлого. Возможно, России не повезло, но она, тем не менее, оставалась великой державой. Более того, чтобы восстановить свое могуще-

[1] "Мир для нашего времени" – это аллюзия автора, отсылающая нас к словам британского премьер-министра Невилла Чемберлена, сказанным 30 сентября 1938 г. по возвращении из Мюнхена по поводу подписанного там соглашения. Эта цитата в свою очередь перекликается с высказыванием Бенджамина Дизраэли, заявившего в 1878 г. по приезде с конгресса в Берлине: "Я вернулся из Германии с миром для нашего времени". Ирония истории заключается в том, что минуло менее года после Мюнхенского сговора, как нацистские войска вторглись на территорию Польши. (*Прим. ред.*)

ство и положение в мире, Россия, как и в прошлом, готова была перенять определенные аспекты западной системы, которую теперь возглавляли США. Это также говорило в пользу партнерства со Штатами.

Резюмируя, желание США изменить Россию объясняется стремлением закрепить свою победу в холодной войне. Россия же хотела восстановить свою мощь, чтобы преодолеть травму той войны. Эти цели были далеки друг от друга. При этом, как ни удивительно, каждая сторона считала, что путь к ее цели лежит через партнерство с другой.

Тридцать лет спустя Соединенные Штаты и Россия оказались запертыми в тупике враждебных отношений, корни которых уходят в историю холодной войны. Надежды 1989 г. давно развеялись. Почему партнерство ускользнуло от этих двух стран? Почему цели Америки и России были так далеки друг от друга? Подходы к ответу лежат в истории того, как формировались эти страны и их представления о себе и своей миссии в мире.

ДАЛЕКИЕ ДРУЗЬЯ

"Нет", – ответила в сентябре 1775 г. Екатерина Великая, отказавшись предоставить королю Англии Георгу III двадцатитысячное войско для помощи в усмирении восставших американских колоний. Российская самодержица определенно не разделяла демократических чаяний американцев. Вместе с тем Екатерина враждовала с британским двором, который, по ее мнению, был в значительной степени сам виноват в проблемах с колониями. Также императрица рассматривала этот конфликт как часть продолжения борьбы Англии и Франции в колониальном мире [Болховитинов 1966: 53-55; Saul 1991: 6-7]. Этим отказом ее косвенная помощь американцам не ограничилась. Позже, в 1780 г., Россия подписала Декларацию о вооруженном нейтралитете, которая закрепила принципы свободной торговли для нейтральных стран, схожие с положениями, утвержденными Континентальным конгрессом в 1776 г. Этот шаг помог России продолжить торговать с объединенными колониями, несмотря на последовательное противодействие такого рода товарообмену со стороны Англии. Кроме того, Россия дипломатически изолировала Великобританию, поскольку другие европейские страны присоединились к российским принципам [Saul 1991: 10-13; Болховитинов 1966: 68]. В завершающей стадии англо-американского конфликта Екатерина даже предложила выступить в качестве посредника — шаг, который американцы приветствовали, а британцы категорически отвергли [Болховитинов 1966: 81-82].

Сегодня поступки Екатерины трактуются комментаторами как доказательство того, что дружба между США и Россией возможна, несмотря на растущую вражду. Однако в своих действиях императрица скорее руководствовалась национальными интересами России, нежели дружескими чувствами. В секретном отчете по иностранным делам, подготовленном для нее в 1779 г., содержался вывод, что независимость Америки – *fait accompli* (свершившийся факт), выгодна России. Российская империя, например, могла бы занять место Англии как торгового партнера США, заполнив пробел, образовавшийся в результате разрыва американо-британской торговли, а независимая Америка открыла бы новые потенциально прибыльные рынки [там же: 62-64]. И хотя волнения в Америке занимали крайне незначительное место в сложной дипломатической партии, которую Екатерина разыгрывала в Европе, они предоставили ей еще

одну возможность выступить арбитром в европейских делах и защитником европейского равновесия в противовес британским амбициям. Это могло лишь способствовать повышению международного престижа российской императрицы и ее Империи; отсюда и предложение о посредничестве [там же: 90].

Какими бы ни были расчеты Екатерины, отцы-основатели Америки ценили нейтралитет России в продвижении их дела. В частности, Континентальный конгресс одобрил принципы Декларации о вооруженном нейтралитете и поддержал миссию в Россию для установления более тесных коммерческих и политических связей в 1780 г. Американцы даже стремились присоединиться к Декларации, несмотря на статус воюющих сторон, впрочем, безуспешно. Американский посланник задержался в Петербурге на два года, отчаянно добиваясь аудиенции у императрицы. Готовность Екатерины пойти навстречу колониям имела свои пределы; императрица не стала бы беспричинно провоцировать британцев в чувствительных для тех вопросах. Она отказывалась принять американского эмиссара до окончания войны и признания Англией независимости колоний [Болховитинов 1966: 74-76; Saul 1991: 13-17]. Установления формальных дипломатических отношений пришлось ждать более двух десятилетий. Это произошло много позже того, как Екатерина покинула политическую сцену.

На протяжении большей части следующей сотни лет США и Россия оставались, как писал историк Норман Саул, “далекими друзьями” [Saul 1991]. Ни одна из сторон не имела обширных познаний о другой, но взаимное восприятие было в целом благоприятное. Их сближало общее понимание того, что они не европейцы; Россия, хотя и была неотъемлемой частью европейской системы баланса сил, оставалась для европейцев чужеродной силой. США и Россия выглядели друг перед другом крупными, динамичными, экспансионистскими и обладающими огромным потенциалом державами. Им суждено было сыграть большую роль в мировых делах [Anschel 1974: 24-27; Saul 1991: 149-165], пусть и не обязательно роль верховных арбитров, вершащих судьбы мира, как предсказывал французский аристократ Алексис де Токвиль в 1835 г.

Американцы и русские хорошо осознавали огромный ценностный разрыв между демократической республикой и самодержавной империей, но это, в полную противоположность сегодняшнему дню, не вызвало особых разногласий. В связи с этим уместно вспомнить знаменитую фразу, произнесенную госсекретарем Джоном Куинси Адамсом в 1821 г. о том, что США “не отправляются за границу в поисках монстров, которых нужно уничтожить”. Внутрироссийские порядки не беспокоили американцев, особенно пока в Соединенных Штатах сохранялось рабство. Более того, у русского самодержавия было много апологетов, считавших, что оно соответствует характеру страны, даже если они сами исповедовали демократические ценности [Anschel 1974: 19-22]. Между тем русские цари оставались оплотом самодержавия и яростными противниками революции, отнюдь не разделявшими американские демократические и республиканские добродетели. У них были более насущные задачи, нежели укрощение демократических амбиций в стране, расположенной на другом континенте, не разжигающей революцию в их окрестностях.

Итак, отношения были дружественными, но отнюдь не близкими. Оба государства находились на периферии внимания друг друга. Соединенные Штаты были сосредоточены на реализации своего “провозглашенного предначерта-

ния" – распространить свое доминирование по Северной Америке. Россия была озабочена внутриевропейским соперничеством и экспансией на Кавказ и в Среднюю Азию. Поскольку государства действовали в основном в разных полушариях, трения между ними возникали редко. Периодически страны сближались на почве беспокойства по поводу баланса сил в Европе и британского империализма, но даже столь незначительного повода оказалось достаточно, чтобы американцы и россияне уверовали, что их страны останутся друзьями [ibid.: 27].

В соответствии с советом Джорджа Вашингтона, Соединенные Штаты старательно избегали втягивания в европейские дела. Тем не менее американцы пристально следили за раскладом сил и потенциальным распространением европейских конфликтов на Америку, постоянно сохраняя готовность встать на пути имперских устремлений европейских государств в Западном полушарии. Главный вызов представляла Англия; взаимная неприязнь, родившаяся в ходе Войны за независимость, сохранялась десятилетиями. Планы США в отношении Канады вызывали напряженность, которая распространилась через весь континент вплоть до Тихого океана по мере продвижения соперничающих держав на запад. В то же время Англия, морская держава, доминировавшая на мировой арене, представляла угрозу для восточного побережья и побережья Мексиканского залива. Споры о нейтральных водах переросли в войну 1812 г., которая велась в основном на американской земле. Франция представляла аналогичную, хотя и менее существенную, угрозу на море и периодически смотрела в сторону Мексики. Вместе эти две имперские державы стали серьезным вызовом американским интересам в конце 1810-х годов, когда начали распадаться испанская и португальская империи в Западном полушарии.

Россия, напротив, не вызывала особенного беспокойства, поскольку она не обладала достаточной военно-морской мощью, чтобы играть важную роль в Атлантике и Карибском бассейне. Россия вошла в Северную Америку через Сибирь в конце XVIII в. и претендовала на значительную часть тихоокеанского Северо-Запада. Несмотря на то, что русские ненадолго заселили Форт-Росс поблизости от залива Сан-Франциско, их деятельность сосредоточилась на территории нынешней Аляски. Российская империя никогда не претендовала на суверенный контроль над территорией южнее 51-й параллели, что намного севернее американских притязаний. Разногласия между государствами возникали разве что из-за коммерческих споров, поскольку Российская империя стремилась регулировать китобойный промысел в водах Аляски и ограничивать доступ иностранных торговцев к коренному населению.

Такие трения не могут всерьез угрожать теплым отношениям. Наиболее ожесточенный спор, разразившийся в 1821 г., разрешился довольно быстро. С целью защиты интересов Российско-Американской компании на Аляске царь Александр I издал указ о расширении ее юрисдикции до 51-й параллели и об исключении всех иностранных судов в этом регионе из зоны, простирающейся на 115 миль от берега. Другим указом компании предоставлялась монополия на охоту, рыболовство и торговлю в этом районе. Этот шаг вызвал мгновенное возмущение со стороны Соединенных Штатов, особенно со стороны бостонских купцов, которые давно вели свою деятельность на северо-западе бассейна Тихого океана. Стороны провели интенсивные, но дружеские переговоры. Решив, что сохранение хороших отношений с США было сдерживающим фактором на случай британского вторжения в регион,

Россия отступила. Согласно подписанному в 1824 г. договору, южная граница юрисдикции Русско-Американской компании проходила по параллели 54°40' с.ш. (эта широта затем стала "боевым кличем" в споре Америки с Англией по поводу территории Орегонской земли). Таким образом, посты и порты Русской Америки[2] открылись для американских торговцев [Saul 1991: 96-105; Bolkhovitinov: 101-126; Williams, 1971: 6-7].

Тем не менее этот спор дал повод США заявить, что оба американских континента отныне не будут "рассматриваться как объекты будущей колонизации какими-либо европейскими партнерами", как это и было сформулировано в 1823 г. в декларации, получившей название доктрины Монро. Два других ключевых постулата этой доктрины – невмешательство США в европейские дела и противодействие любым усилиям европейских держав по распространению своей системы управления на Западное полушарие – также были вызваны озабоченностью, связанной с Россией. Соединенные Штаты сильно беспокоились, что Священный союз европейских держав, в котором Россия играла ведущую роль, будет стремиться восстановить испанское господство над отделившимися колониями в Северной и Южной Америке, которые Соединенные Штаты были готовы признать в качестве независимых государств.

Исходя из обстоятельств, связанных с формулированием доктрины Монро, многие комментаторы считают, что она была направлена против России. Однако, скорее всего, это едва ли было так [Bolkhovitinov 1971: 101-126]. Сам президент Джеймс Монро, излагая свои принципы, подчеркивал "великую ценность", которую представляет "дружба императора" для США, а также выражал большое желание "развивать наилучшее взаимопонимание с его правительством". Что касается испанской Америки, несмотря на то, что Александр I, будучи твердым сторонником монархического правления, и в самом деле не собирался признавать отделившиеся колонии, Россия все же была не в состоянии пойти наперекор воле ведущей морской державы мира. Великобритания была против. Действительно, ранее англичане предложили США подписать совместную декларацию, предостерегающую другие европейские державы от вмешательства. Соединенные Штаты решили действовать в одностороннем порядке, отчасти потому, что, как Монро писал Томасу Джефферсону, это "более примирительно и уважительно по отношению к России" [Gaddis 1978: 8-11; Bolkhovitinov 1971: 101-126].

На самом деле у России не было никакого желания конкурировать с Соединенными Штатами за влияние в Западном полушарии. Министр иностранных дел России с 1814 г. Карл Нессельроде, а также руководители оборонного и финансового ведомств были поглощены важнейшим стратегическим вызовом, с которым Россия столкнулась в Европе. Россия изо всех сил пыталась не отставать от своих европейских конкурентов, внедрявших передовые и дорогие новые военные технологии. Слаборазвитая инфраструктура – плохие дороги, недостаточное железнодорожное сообщение – усугубила логистические проблемы в европейской части России [Fuller 1992: 259-260]. Российские чиновники избегали расходовать скудные ресурсы на поддержание, развитие и защиту отдаленных регионов Дальнего Востока и Северной Америки.

[2] Русской Америкой называют владения Российской империи в Северной Америке, включавшие в разные годы кроме Аляски также Алеутские острова, архипелаг Александра и поселения на тихоокеанском побережье современных США. (*Прим. ред.*)

Российские лидеры не сторонились американцев, скорее они больше были заинтересованы в том, как использовать Соединенные Штаты для формирования распределения сил в Европе. Безусловно, они не питали иллюзий относительно того, что США, едва встав на ноги, в первые десятилетия независимости смогут повлиять на европейский баланс. Тем не менее, США было что предложить – они могли стать альтернативой, враждебной Англии в сфере торговли, и со временем превратиться в источник технологий, что было критически важно для экономического развития и благополучия России.

Однако к середине столетия Соединенные Штаты обрели достаточную мощь, чтобы влиять на баланс сил в Европе, в то время как их экономическая динамика все больше требовала непосредственного участия в европейских делах. И хотя у Санкт-Петербурга не было оснований полагать, что Соединенные Штаты станут союзником в борьбе против Англии или другой крупной державы, нейтралитет Америки всегда приветствовался. Это стало очевидным во время Крымской войны, разразившейся в 1853 г., в которой России противостояли Англия, Франция и Османская империя. Несмотря на то, что США формально поддерживали нейтралитет и больше тревожились о последствиях победы имперских Англии и Франции, чем о дружбе с Россией, общественное мнение американцев было на стороне России [Saul 1991: 227-231]. Соединенные Штаты обеспечивали Россию боеприпасами, хлопком и предметами первой необходимости, а также оказывали медицинскую помощь. И хотя это не помогло предотвратить поражение России, в условиях растущей изоляции в Европе русские были рады сохранению дружеских отношений с поднимающейся мировой державой [ibid.: 236].

Стороны поменялись местами несколько лет спустя в ходе Гражданской войны в США. Хотя Россия мало что могла предложить с практической точки зрения, она тем не менее была единственной крупной европейской державой, которая поддерживала Север на протяжении всего конфликта. Россия не была заинтересована в распаде государства, превращающегося во все более эффективный противовес Англии. Когда в 1863 г. российский флот ошвартовался в Нью-Йорке и Сан-Франциско, местные жители восприняли это как знак российской поддержки и провели ряд русско-американских праздничных мероприятий. Настоящие причины появления флотов были менее очевидны. По некоторым данным, Санкт-Петербург стремился избежать блокировки своего флота в Балтийском море во время напряженности в отношениях с Англией и Францией из-за восстания в Польше. Согласно другим сведениям, эти экспедиции были лишь частью более масштабной подготовки растущих военно-морских сил России к длительным походам. Однако, как бы то ни было, присутствие российского флота в Соединенных Штатах питало слухи о возможном союзе США и России, которые, вероятно, сыграли определенную роль в охлаждении отношений Англии и Франции с Конфедерацией [ibid.: 339-354].

Период теплых отношений достиг кульминации в 1867 г., когда Россия продала Аляску Соединенным Штатам, что устранило единственный существенный источник потенциальной напряженности между двумя странами на территориях обеих Америк. Царскому двору решение далось легко. Русско-Американская компания дышала на ладан, и после приобретения Приморского региона на тихоокеанском побережье у Китая в 1860 г. Аляска выглядела уже не столь ценной. Издержки обороны Русской Америки отныне представлялись

неоправданно высокими, особенно в период, когда Империя испытывала серьезные финансовые затруднения. Более того, Санкт-Петербург опасался, что набирающая силу молодая североамериканская нация просто захватит Аляску. Продажа региона Соединенным Штатам устранила бы этот риск и способствовала бы укреплению связи между двумя великими державами, одновременно усилив позицию США как противовеса Англии в Северной Америке. Политические реалии представлялись российскому двору существенно более важными, чем какие-либо сентиментальные устремления к дружбе [Болховитинов 1990: 185-187; Saul 1991: 388-396; Gaddis 1978: 23-25].

Таким образом, время, прошедшее в отсутствие идеологических и геополитических разногласий с момента Войны за независимость США до продажи Аляски стало наиболее продолжительным дружественным периодом в истории американо-российских отношений. Однако связь между государствами в указанный промежуток времени вряд ли можно назвать тесной или обозначить словом “партнерство” в его современном понимании. Каждая сторона играла второстепенную роль во внешней политике другой. Пропасть в ценностях была глубокой и непреодолимой, хотя обе державы не позволяли идеологическим разногласиям повлиять на отношения. Объединяло их лишь недоверие к Англии. Геополитическая напряженность не стояла на повестке дня, так как государства по большей части действовали в разных полушариях. Там же, где их отношения пересекались, например в северо-западной части Тихого океана, трения не перерастали в серьезный конфликт. Ввиду огромной асимметрии стратегических амбиций Россия предпочла приспособиться к американскому экспансионизму и не рисковать эскалацией в далеко не жизненно важных для себя регионах. В целом каждая из сторон извлекала из этого взаимодействия минимальную пользу. Выгоды никогда не являлись результатом активного сотрудничества и чаще всего были обусловлены отказом занимать чью-либо сторону в конфликте с третьими державами. Если отношения и были дружескими, то потому, что для соперничества у сторон не было веских причин, которые появятся ближе к концу XIX в. [Gaddis 1978: 25-26].

Превращение в соперников

Последняя четверть XIX в. была отмечена тем, что теплые отношения постепенно ухудшались и сформировалась основа для более-менее постоянного соперничества в XX в. Соединенные Штаты поразительно быстро превратились из континентальной державы в динамичного, уверенного в себе демократического игрока на мировой арене, в то время как автократическая Россия, охваченная хроническим имперским кризисом, изо всех сил пыталась поддерживать внутренний порядок и сохранять свое место среди великих держав. Тем самым подготавливалась почва для будущей идеологической и геополитической напряженности, которой до тех пор в значительной степени не было.

Экспоненциальный рост национального богатства и могущества Америки сделал ее подъем поистине захватывающим. К концу XIX в. Соединенные Штаты с быстро увеличивающимся населением, подпитываемым как естественным ростом, так и иммиграцией, стали ведущей индустриальной державой мира. США заняли первое место в мире по производству угля и стали, потребляли больше энергии, чем любая другая страна. На их долю приходилась львиная доля мирового промышленного производства. Американские фирмы входили

в число мировых технологических лидеров. Соединенные Штаты превратились в крупного экспортера промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. Сопоставимые по масштабам территории с целым континентом, США шли к тому, чтобы обогнать всю Европу вместе взятую как индустриальную державу в первые десятилетия XX в. [Kennedy 1987: 200-203, 244-245].

Столь динамичное развитие требовало выхода наружу, особенно после закрытия границы в конце века. Для процветания США была необходима дальнейшая экспансия; внутренний рынок был неспособен переварить весь колоссальный потенциал промышленного и сельскохозяйственного производства страны. Перспективными рынками сбыта американских товаров представлялись страны Карибского бассейна и Южной Америки на юге. Однако, продолжая расширяться на запад, США тоже смотрели через Тихий океан в Восточную Азию. В 1898 г. США аннексировали Гавайи, а после победы в испано-американской войне под их контроль перешли Филиппины, ставшие базой для продвижения американских коммерческих интересов на Востоке. Главным объектом американских притязаний был Китай с населением около 400 млн человек. Это был не последний случай, когда американцев смущали мечты об огромном и потенциально крайне выгодном рынке [Dulles 1965: 150-154].

По мере роста внешней торговли и экспансии за пределы Западного полушария американцы стали уделять больше внимания своим военно-морским силам, находившимся в плачевном состоянии. Флот США, состоявший в основном из деревянных судов, уступал флотам Европы и даже некоторых стран Латинской Америки. Он был явно недостаточен для защиты побережья от натиска решительного врага – США опасались, что даже Чили может безнаказанно бросить им вызов и создать угрозу американским портам на Тихоокеанском побережье. Военно-морской флот США также не мог обеспечить безопасность океанических путей для растущего числа американских торговых предприятий. Вследствие этой озабоченности США предпринимали системные усилия по созданию и модернизации военно-морского флота начиная с 1880-х годов, и этот процесс ускорился после приобретения обширных территорий в результате войны с Испанией. В конечном счете это привело к формированию идеи о решающем значении военно-морских сил для сохранения положения страны в мире, – тезис, убедительно вытекающий из классической работы одного из ведущих американских стратегов Альфреда Тайера Махана “Влияние морской силы на историю”, опубликованной в 1890 г. [Dulles 1965: 125-127; Kennedy 1987: 247; Kagan 2007: 340-348].

Одновременно со стремительным ростом материального могущества и амбиций видоизменилась и твердая вера Америки в свою исключительность. Если раньше США фокусировались на совершенствовании собственного союза, построении “сияющего града на холме”, то постепенно они все больше приходили к убеждению, что их миссия – распространять блага американского эксперимента на другие страны и народы [Kupchan 2020: 219-222]. Именно такой подход лежал в основе решения сохранить контроль над Филиппинами – вместо того, чтобы предоставить им независимость после испано-американской войны. Они считали, что филиппинцев необходимо было обучать в американском духе. Эта же идея в значительной степени стала движущей силой американского миссионерства на Дальнем Востоке. Эта миссия имела и оборотную сторону: набирала силу тенденция судить другие страны по характеру их внутренних режимов –

насколько хорошо они воплощали американские принципы? – и протестовать против того, что американцы считали нарушением индивидуальных, политических и гражданских прав [Kagan 2007: 286-290].

Пока Соединенные Штаты наращивали мощь и амбиции, Россия погружалась в пучину имперского кризиса. Унизительное поражение в Крымской войне травмировало страну, считавшую себя доминирующей державой и центральным столпом европейского порядка. На протяжении следующих десятилетий Россия упорно пыталась вернуть себе статус великой державы, однако не слишком преуспела. Как постоянные внутренние проблемы, так и вызовы извне в совокупности привели к бесконечной веренице кризисов, в конечном итоге обескровивших имперское правительство и истощивших терпение народа. Скованная запретами традиционной автократии, с одной стороны, и подгоняемая императивами модернизации, с другой, постоянно испытывавшая нехватку средств, империя в конце XIX в. созрела для революций, которые неодолимо охватили страну в первые два десятилетия последовавшего столетия и в конце концов довели ее до краха в 1917 г.

После крымского фиаско царский режим вначале затеял серию реформ, направленных на модернизацию российского общества по европейскому образцу. Вошедшие в историю как Великие реформы Александра II, они, в частности, предусмотрели отмену крепостного права, введение представительного местного самоуправления, укрепление верховенства закона и либерализацию системы образования. Но социальные потрясения дали толчок развитию террористического движения, которое крепло по мере роста числа покушений на влиятельных правительственных чиновников. Крупнейшим успехом террористов стало убийство самого Александра II в 1881 г. [Hosking 2001: Chap. 7]. За этим последовал период ожесточенной реакции, разрушившей иллюзии относительно перспектив гражданских институтов и свобод в России; новый царь подтвердил свои прерогативы абсолютного монарха и по сути развязал чиновничий произвол по всей империи.

Внутренние проблемы усугублялись политикой, направленной на превращение империи в современное промышленно развитое национальное государство путем копирования структур, лежавших в основе ведущих европейских держав, прежде всего Германии. Политика ускоренной индустриализации приносила плоды с 1888 г., когда страна вступила в период быстрого промышленного роста. Однако в результате сотни тысяч крестьян переселились в города и сформировали городской пролетариат, который не очень вписывался в социальные структуры русского самодержавия и в конечном итоге стал рассадником революционной агитации. Схожим образом интенсивная кампания русификации, имевшая целью заложить прочную основу национального государства – огромной многонациональной империи – придала импульс националистическим движениям по всей империи, особенно среди поляков и украинцев на нестабильной периферии России в Европе [ibid.: 333-344].

Сложнейшие внутренние трудности России приходилось преодолевать на фоне все более запутанной дипломатической ситуации. Растущее могущество Германии и ослабление Османской империи вызвали озабоченность России по поводу безопасности ее западных границ. В то же время Санкт-Петербургу было трудно удержаться от борьбы за влияние на Балканах ради реализации своего давнего чаяния контролировать Босфор и Дарданеллы, особенно когда

славянские народы стремились добиться независимости от османов. Англия по-прежнему постоянно представляла угрозу на южной периферии от Персии до Индии [Gillard 1977: 134-152]. На Дальнем Востоке великие европейские державы наряду с азиатской "выскочкой" (*the Asian upstart*) Японией активно участвовали в разделении сфер влияния в ослабевшей Китайской империи. Таким образом, целый ряд сложнейших задач стоял перед царским правительством, которое помнило о своей уязвимости и необходимости избегать войны с другими великими державами, не говоря уже об их коалициях.

В этих условиях Санкт-Петербург, как всегда, был сосредоточен на балансе сил в Европе и стабильности на своей обширной азиатской периферии. США вряд ли занимали важное место в российской внешнеполитической повестке. Однако царский режим, безусловно, не был заинтересован в разрушении давних хороших отношений с Вашингтоном, который, по крайней мере поначалу, ставил те же цели. Тем не менее накапливающееся в обществе осуждение российского самодержавия постепенно заставило американские власти изменить свое отношение. К тому же по мере роста собственных амбиций США все больше опасались российской экспансии на Дальнем Востоке.

Перевод с англ. С. Чугрова

DOI: 10.17976/JPPS/2022.01.02

RUSSIA AND THE UNITED STATES ON THE WORLD STAGE. PART I. FROM DISTANT FRIENDSHIP TO INCIPIENT RIVALRY

T. Graham[1]

[1] *Council on Foreign Relations. New York, USA*

GRAHAM, Thomas E., distinguished fellow, Council on Foreign Relations, New York, email: tgraham@cfr.org

Graham, T. (2022). Russia and the United States on the world stage. Part I. From distant friendship to incipient rivalry. *Polis. Political Studies,* 1, 7-18. https://doi.org/10. 17976/jpps/2022.01.02

Acknowledgements. The article is a chapter from the book "Russia and the United States on the World Stage", which is currently being written. The editors plan to print other chapters as they become available. The text was written with sympathy for Russia, perhaps the greatest possible for a modern American political thinker. An attentive Russian reader, familiar with historical texture, will undoubtedly note a certain author's subjectivity in the selection of facts and in the preference for interpretations, and will find obvious "figures of silence" at critical points of presentation. But this subjectivity of the author's view seems to be the most valuable to the Editorial Board. This "optics of the Other", focused on Russian-American relations, gives the Russian reader a chance to critically revise some of his own prejudices regarding the views and motivations of his American colleagues, which is so urgently needed today to restore a full-fledged dialogue. At least in order to suspend further slide into the abyss.

Received: 11.10.2021. Accepted: 11.11.2021

Abstract. The period from the American War of Independence (1775-1783) to the sale of Alaska (1867) was the longest period of friendly relations in US-Russian history. This was hardly a period of close ties, however, or what we would now call partnership. Each country was of marginal concern to the other. The gulf in values was profound and unbridgeable, even if the two powers insulated relations from ideological disputes. Geopolitical tension was absent because the two countries largely operated in separate spheres. Where they did interact, friction did not erupt into serious conflict, because Russia was willing to accommodate American expansionism rather than risk escalation in regions that were far from vital. The benefits that each country derived from the other were minimal and never arose from extensive collaboration. Rather they were the consequence of each country's refusal to take sides against the other in conflicts with third powers, including the War for Independence, the Crimean War,

and the American Civil War. If relations were friendly, it was because there was no compelling reason to be rivals. The situation changed dramatically in the last decades of the 19th century, as the United States experienced an unprecedented period of rapid growth in wealth and power while Russia entered a prolonged period of imperial crisis. American ideological and geopolitical ambition eventually turned distant friendship into an incipient rivalry.

Keywords: Catherine the Great, American War for Independence, Monroe Doctrine, Crimean War, American Civil War, Alaska, Far East, balance of power, geopolitics, ideology.

References

Anschel, E. (1974). The American image of Russia, 1775-1917. New York: Frederick Ungar Publishers.

Bolkhovitinov, N. (1971). Russia and the Declaration of the non-colonization principle: new archival evidence. *Oregon Historical Quarterly,* 72(2), June.

Dulles, F. (1965). Prelude to world power: American diplomatic history, 1860-1900. New York: Collier Books.

Fuller, W.C. (1992). Strategy and power in Russia 1600-1914. New York: The Free Press.

Gaddis, J. (1978). Russia, the Soviet Union, and the United States: an interpretive history. New York: John Wiley and Sons.

Gillard, D. (1977). The Struggle for Asia 1828-1914: A study in British and Russian imperialism. New York: Holmes and Meier Publishers.

Hosking, G. (2001). Russia and the Russians: a history. Cambridge: The Belknap Press.

Kagan, R. (2007). Dangerous nation. New York: Vintage Books.

Kennedy, P. (1987). The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books.

Kupchan, C. (2020). Isolationism: a history of America's efforts to shield itself from the world. Oxford: University Press.

Saul, N. (1991). Distant friends: the United States and Russia, 1763-1867. Lawrence: University of Kansas Press.

Williams, W. (1971). American-Russian relations 1782-1947. New York: Octagon Books.

Литература на русском языке

Болховитинов Н.Н. 1966. *Становление русско-американских отношений. 1775-1815.* М.: Наука.

Болховитинов Н.Н. 1990. *Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834-1867.* М.: Наука.

Bolkhovitinov, N. (1966). Stanovleniye russko-amerikanskikh otnosheniy. 1775-1815 [The formation of Russo-American relations. 1775-1915]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bolkhovitinov, N. (1990). Russko-amerikanskiye otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834-1867 [Russo-American relations and the selling of Alyaska. 1834-1867]. Moscow: Nauka. (In Russ.)